

Министерство науки и высшего образования РФ
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»

УНИВЕРСИТЕТ XXI ВЕКА: НАУЧНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

*Материалы научной конференции
научно-педагогических работников,
аспирантов, магистрантов
ТГПУ им. Л. Н. Толстого*

Тула
ТГПУ им. Л. Н. Толстого
2019

ББК 74.58
У59

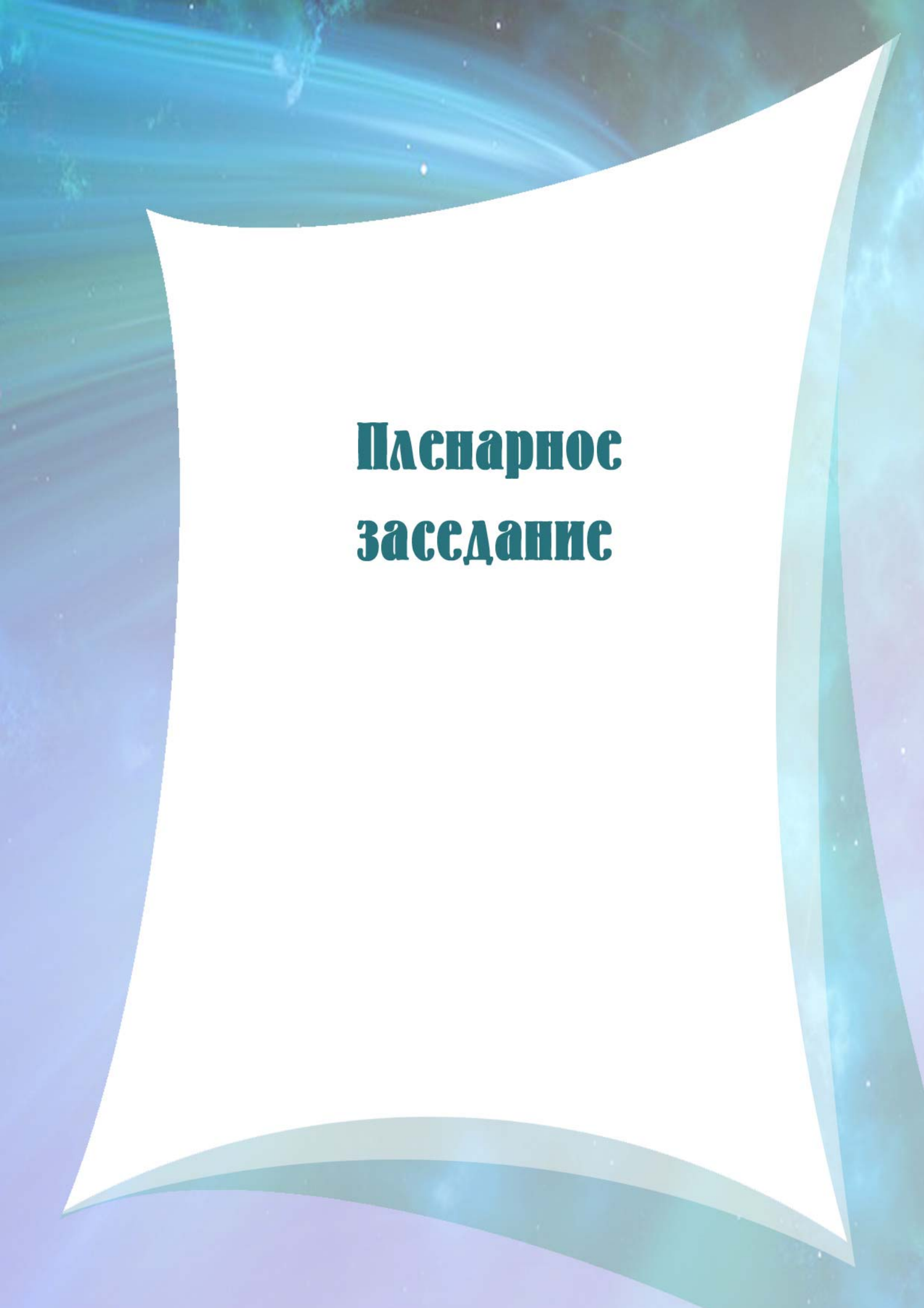
Редакционная коллегия:

доктор физико-математических наук, профессор
В. А. Панин (научный редактор);
кандидат политических наук, доцент
К. А. Подрезов (ответственный редактор);
кандидат педагогических наук, доцент *Т. М. Пономарева*;
доктор филологических наук, профессор *Д. А. Романов*;
доктор технических наук, профессор *Л. Е. Басовский*;
доктор философских наук, профессор *Е. Д. Мелешко*;
кандидат филологических наук, доцент *Д. А. Разоренов*;
кандидат физико-математических наук, доцент *Д. А. Нургулеев*;
доктор педагогических наук, доцент *Ю. И. Богатырева*;
доктор психологических наук, доцент *С. В. Пазухина*;
кандидат педагогических наук, доцент *Е. Н. Шаин*;
кандидат педагогических наук, доцент *О. А. Хохлова*;
доктор исторических наук, доцент *С. В. Ярцев*;
кандидат педагогических наук, доцент *Е. Г. Торина*

У59 **Университет XXI века: научное измерение: Материалы науч. конф. научно-педагогических работников, аспирантов, магистрантов ТГПУ им. Л. Н. Толстого [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Тула: Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Минимальные систем. требования: Intel Celeron 1700 Mhz и выше, 128 Мб RAM, 300 Мб на винчестере, ОС Microsoft Windows XP, Vista; дисковод CD-ROM 2x и выше, SVGA 64 Mb; мышь. – Загл. с этикетки диска.– ISBN 978-5-6042450-8-8.**

В сборник вошли материалы научно-практической конференции научно-педагогических работников, аспирантов, магистрантов Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого «Университет XXI века: научное измерение», состоявшейся 22 мая 2019 г. на базе университета. Статьи и тезисы, представленные в сборнике, отражают основные направления исследований профессорско-преподавательского состава университета, проводимых в последние годы.

ББК 74.58

**Пленарное
заседание**

А. В. Прокофьев

*Институт философии РАН,
Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

НОРМАТИВНЫЕ ПАРАДОКСЫ УНИВЕРСАЛЬНОЙ МОРАЛИ*

Аннотация. В выступлении проанализировано противоречие между универсальным характером моральных ценностей и укоренным в живом моральном опыте представлении о допустимости или обязательности оказывать предпочтение своим и близким людям (родственникам, возлюбленным, друзьям, соотечественникам и т.д.) Это противоречие актуализировано как в светской этике, требующей равного уважения к достоинству каждого человека, так и в религиозной, требующей универсальной любви к ближнему. Этика пытается снять или смягчить его остроту, однако такие попытки наталкиваются на непосредственный характер обязанностей перед своими близкими людьми.

Ключевые слова: мораль, универсальность, семья, государство, У. Годвин, С. Кьеркегор, Б. Уильямс.

Мое выступление связано с одной частной, хотя и очень важной этической проблемой. Но прежде чем приступить к ее краткому анализу, я хотел бы сказать несколько слов о задачах той дисциплины, которую я сегодня здесь представляю. Я имею в виду философию, в отношении которой этика – всего лишь одно из выражений. Это позволит создать контекст для моего дальнейшего рассуждения.

Смысл и содержание философской деятельности традиционно получают очень разные интерпретации. Задав философам вопрос о том, чем они занимаются, можно получить ответы в широком промежутке от «ищут разгадку тайны бытия» до «проясняют концептуальный аппарат научного познания и практического дискурса». Я не буду сейчас предлагать собственный развернутый ответ, но хотел бы акцентировать ту задачу философской мысли, которую она выполняет при любом понимании всех ее иных задач. Это задача проверки общих предпосылок, которые стоят за многообразием общепринятых убеждений.

Одну из самых лаконичных характеристик этой стороны философии дал Исайя Берлин, в своем интервью BBC середины 1970-х гг. [1] По его мнению, философ пытается дать ответ на вопросы, во что верят люди и почему они верят. И в этом своем качестве он неизбежно сталкивается с сопротивлением фактически всех слоев общества, в котором он живет. Причины, по Берлину, две. Во-первых, проверка исходных предпосылок наших теоретических и ценностных убеждений неизбежно препятствует гладкому воспроизводству социальных практик. Ведь чтобы действовать, чтобы участвовать в этих практиках, надо быть «убежденным в своих убеждениях», а философ ставит их подвопрос. Во-вторых, проверка исходных предпосылок лишает любого «человека дейст-

* Выступление подготовлено в рамках проектного исследования «Феномен универсальности в морали», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), грант № 18-18-00068.

вия» ощущения безопасности. Ведь, кроме ответственности за свои поступки, он начинает чувствовать ответственность за выбор критериев их правильности. А это делает каждое решение на порядок более сложным. Я бы добавил сюда и то обстоятельство, что проверка посылок ведет к выявлению их многочисленных противоречий. А это и вовсе парализует рациональную деятельность, вызывая раздражение и страх.

В этой связи Берлин замечает, что если бы все в обществе были критическими интеллектуалами, то жить в нем было бы просто невозможно. Но если бы никто не превращался в критического интеллектуала, то общество, покоящееся на ложе удобных догм, сначала окостенело бы, а потом разложилось. Для того, чтобы добавить в эту картину немного оптимизма, могу сказать, что философская проверка предпосылок не всегда заканчивается их разрушением или замещением. Столь же часто она ведет к их коррекции и переосмыслению, а также к существенному обогащению аргументации, которая используется в научных, этических и политических дискуссиях. Но, в любом случае, этот процесс сопровождается пугающей неопределенностью.

Возвращаясь к своей исследовательской области – этике – я хотел бы привести пример такой динамики. Он не самый яркий. Но зато он по касательной связан с той проблематикой, над которой я и небольшой, но сплоченный коллектив моих коллег работаем сегодня. В заголовок моего выступления вынесено такое понятие как «универсальная мораль». И все мы интуитивно понимаем, о чем идет речь. Сформировавшееся в последние три-четыре столетия в западной культуре представление о моральных ценностях предполагает, что каждый вмняемый человек имеет обязанность не причинять вред другим людям, а также *при определенных условиях* и *на определенных условиях* помогать им. Эта обязанность порождена равным достоинством каждого человека и равной моральной значимостью интересов и потребностей любого из нас. Именно в этом и состоит универсальность морали, ее всеобщий характер.

С упомянутой мною моральной обязанностью связано современное представление об общественном благе и о правах человека. Это вполне светское и рационалистическое представление, но фундаментом, на основе которого оно формировалось, являлась нравственная доктрина христианства. Именно в ней каждому верующему было вменено в обязанность альтруистическое отношение к другому человеку исключительно в силу того, что тот является человеком. Причем это альтруистическое отношение выражалось не просто в отказе от причинения вреда и в неопределенной по своим масштабам помощи, а в готовности к самопожертвованию ради других. Я имею в виду христианскую заповедь любви к ближнему. Нормативная революция, произведенная Христианством, состоит в том, что христианский ближний – это не тот, кто близок нам по родству, по культуре или вере, а любой человек – в предельном случае даже враждебный и проявляющий свою враждебность на практике.

Все это является для человека христианской или возникшей на основе Христианства светской культуры привычными общими посылками, на которые опирается множество частных убеждений. Однако, несмотря на это, мы относимся к другим людям по-разному. И исходим при этом из нашей близости

к ним или удаленности от них. Для каждого из нас существует множество кругов «своих и близких» людей, в которые входят родные, друзья, возлюбленные, сограждане, носители нашего языка и нашей культуры. Мы систематически оказываем им предпочтение перед теми, кто не являются ни своими, ни близкими. И даже более того, мы признаем такое отношение к ним своим долгом. Так если мы не оказываем предпочтение другу, то он вправе сказать, что мы пренебрегаем дружбой, ведем себя неправильно, нарушаем святую обязанность.

Это положение дел содержит глубокое противоречие. Всех нас учили в детстве и уважению к достоинству каждого человека, и способности быть верным «своим и близким» людям (часто в форме довольно сомнительного патетического девиза «своих не сдаем»). Конечно, параллельно нам предъявили приблизительные правила, с помощью которых можно практически развести между собой две эти вещи. И создали тем самым возможность для более или менее комфортного существования. То есть замаскировали противоречие. Однако дело в том, что противоречия продолжают «дышать», даже если они замаскированы. И именно философы (или просто философски мыслящие индивиды) постоянно напоминают о его существовании.

Если взять светскую этическую традицию эпохи Нового времени, то мыслителем демаскировавшим парадокс универсальной морали оказался английский утилитарист и анархист Уильям Годвин. В своем «Исследовании о политической справедливости» (1793) он обсуждает ситуацию, в которой у человека есть выбор между спасением из горящего дворца писателя-моралиста, Франсуа Фенелона, в голове которого в тот момент зарождается план бессмертной поэмы о Телемахе, и спасением простой служанки, которая является женой или матерью этого человека. Спасти одновременно Фенелона и свою мать или жену невозможно. Выбор Годвина склоняется в пользу спасения Фенелона, поскольку каждый должен, прежде всего, содействовать выгоде тех тысяч незнакомых людей, которых прочтение поэмы уберезет от ошибок, пороков и следующего за ними несчастья. «Какая магия, – спрашивал риторически Годвин, – содержится в местоимении “мой”, чтобы отменять решения вечной истины? Моя жена или моя мать могут оказаться дурами, проститутками, злоумышленницами, лгунями или бесчестными людьми. И если они таковы, какие последствия должно иметь то обстоятельство, что они мои?» [2, р. 83]. Вопрос Годвина шокирует, но оттого не перестает быть вопросом, на который требуется прозрачный и аргументированный ответ.

Во второй половине XX в. годвиновская «магия местоимения мой» стала предметом тщательной философской рефлексии, а само словосочетание превратилось в технический термин этической теории. И если радикализм Годвина в отношении семейных предпочтений не получил существенной поддержки, то в отношении кругов близости, связанных с общей культурой или общим гражданством, разоблачение «магии местоимения мой» является постоянной темой философских рассуждений. Классический пример – современный австралийско-американский философ Питер Сингер (постоянно присутствующий в топ 100 публичных интеллектуалов по версии ForeignPolicy). Он предложил сравнить разницу эмоциональной реакции на поступок человека, который не хочет

вытащить тонущего ребенка из мелкого пруда, поскольку это может испортить его одежду, и человека, который не хочет стать донором благотворительной организации спасающей детей от голода в странах третьего мира, потратив сумму равную стоимости комплекта одежды [5, с. 231]. Это сравнение является стартовой точкой в рассуждении Сингера о необходимости радикальных мер по обеспечению глобальной справедливости. Его логика такова: «Если мы не способны избавиться от возмущения в случае с прудом, то, сохраняя последовательность, нам ничего другого не остается, как признать столь же возмутительным бездействие того человека, который не хочет перевести деньги на борьбу с голодом».

В моральной теологии Христианства схожую с Годвином роль сыграл датский религиозный мыслитель Серен Кьеркегор. В своем трактате «Труды любви» (1847) он провозгласил, что любовь, распределенная по концентрическим кругам близости, является по существу своему не христианской, а языческой. Он писал: «Если ты спасешь жизнь человека в темноте, думая, что это твой друг, а на самом деле это незнакомый тебе ближний, это не ошибка. Но уж точно будет ошибкой, если ты хочешь спасти только друзей. И если твой друг жалуется, что ты ошибочно сделал для ближнего то, что... должен сделать только для него, будь уверен, он ошибается!» [3, р. 52].

Во второй половине двадцатого века этот взгляд на христианскую любовь возродил йельский профессор религиоведения Джин Оутка, начавший называть христианскую любовь «универсальной любовью» [4, р. 272]. В спор, спровоцированный работами Оутки, начали втягиваться теологи разных течений христианства (исключая православие). Они были в основном критичны, что не удивительно. Но, тем не менее, так возникло экуменическое дискуссионное пространство, в котором оказались затронуты многие практические проблемы современной жизни.

Итак, какие выходы были намечены в спорах о парадоксе универсальности морали. Я приведу лишь некоторые направления аргументации, скорее, для иллюстрации процесса, чем для создания его полной картины.

Во-первых, можно предположить, что человек, который отдает все свое время, всю свою энергию, все свои материальные ресурсы «своим и близким» людям, уже выполнил свои обязанности перед неограниченным кругом людей. Но это предполагает, что универсальные обязанности предельно бедны по своему содержанию. По правде говоря, это рассуждение будет непротиворечивым только в одном случае. Если наши обязанности по отношению к чужим и далеким людям сожмутся до обязанностей не причинять им вред. Но тогда *даже* к сингеровскому персонажу, бездействовавшему на берегу пруда, нельзя будет предъявить никаких претензий. А это противоречит очень устойчивому интуитивному убеждению. То есть мы попытались снять одно противоречие, а в итоге – создали другое, еще более острое. Значит, аргумент не годится.

Во-вторых, можно предположить, что предпочтения «своим и близким» людям необходимы для функционирования тех социальных институтов, без которых не могла бы воспроизводиться упорядоченная жизнь общества.

Возьмем для примера, институт семьи. Без семьи, которая опирается на предпочтительное отношение к узкому кругу родственников, невозможно пред-

ставить эффективную социализацию членов общества. Социологические исследования тех обществ, которые пытались устранить семью или ее важнейшие аспекты, показывают, что семья имеет самовосстанавливающийся характер. Я имею в виду, прежде всего, работы об эксперименте левых или социалистических киббуцев на территориях британского мандата в Палестине, а потом в государстве Израиль. Попытки полностью передать процесс воспитания детей в руки общины провалились уже во втором поколении переселенцев. Тогда логика такова: «Семья нужна для общественного блага и неустранима – она немислима без предпочтения “своих” и “близких” – ограничения морального универсализма, связанные с семьей, оправданы».

Другой пример – институт государства. Без государства, которое (по крайней мере, пока) не может быть всемирным, невозможно наладить эффективный режим соблюдения прав. Такова известная мысль Канта. При этом государство неустойчиво без гражданско-патриотических чувств, без переживания гражданского единства, без некоего коллективного «Мы, народ». Отсюда следует, что разные права граждан и неграждан в вопросах, связанных с политическим участием, социальным обеспечением, доступом на территорию государства не являются каким-то возмутительным неравенством или дискриминацией. Итоговая логика такова: «Государство нужно для общественного блага и неустранимо – оно немислимо без предпочтения “своих” – ограничения морального универсализма, связанные с государством, оправданы».

В-третьих, можно предположить, что без среды, в которой господствуют избирательная помощь и забота, не может сформироваться и сохраниться само то отношение к другим людям, которое предполагает универсальная мораль. Фактическая основа для такого утверждения имеется. Ее дает психология морального развития. Психологи показывают, что нечувствительность к страданиям и бедам других людей (она находит свое кульминационное выражение в психопатии), развивается именно на фоне отсутствия опыта близких отношений и избирательной привязанности. Если о ребенке никогда не заботился близкий человек, для которого этот ребенок не один среди прочих, а единственный и исключительный, то резко увеличивается риск того, что всю свою последующую жизнь он будет принимать решения, опираясь исключительно на свою выгоду. Итоговая логика такова: «Предпочтительное отношение к “близким” необходимо для существования моральных убеждений, значит, моральный универсализм ограничивает сам себя».

Последние два аргумента вызывают определенную симпатию. От них можно отталкиваться, пытаюсь понять, где практически проходят границы между оправданной пристрастностью и должной беспристрастностью. Где любовь к собственным детям должна останавливаться перед лицом правил честной игры или где задачи правительства, связанные с повышением уровня жизни собственных граждан, должны уступать место гуманитарным соображениям помощи беженцам и переселенцам из экономически неблагоприятных стран.

Однако и у этих аргументов тоже есть очень важный недостаток. Один из самых ярких философов прошлого века, Бернард Уильямс, выразил его с помощью нескольких фраз. По сути, он предложил изменить оптику анализа

и рассмотреть невопрос о том, можно ли обосновать предпочтения в отношении своих и близких людей в перспективе универсальной морали, а вопрос о том, как выглядит обоснование таких предпочтений изнутри родительского или гражданского опыта. И, по его мнению, эти обоснования категорически неприемлемы для настоящего друга, родителя или патриота. Они разрушают «магию» дружбы, семьи, большой и малой родины.

Если конкретно, Уильямс предложил представить себе мужа, который бросается спасать свою жену во время кораблекрушения. Жена, по мнению Уильямса, будет ожидать от него, что он делает это просто потому, что «она его жена», а не потому, что «она его жена, и что во всех ситуациях подобного рода морально допустимо спасать собственную жену» [6, р. 18]. Еще более странно выглядело бы продолжение про то, что жену в опасности допустимо спасать лишь потому, что семья это общественно полезный институт. Если мы помогаем близким людям и заботимся о них, то делаем это ради них самих, а не потому, что помощь им и забота о них являются формой исполнения общечеловеческого долга. Используя специальную терминологию – обязанности перед своими и близкими людьми носят «непосредственный» характер. Уильямс напомнил об этом своим коллегам и колеса философской дискуссии завертели с новой силой. И продолжают вертеться до сих пор. Количество работ по этой тематике – сотни.

Спор вокруг парадокса универсальной морали не закончен и, по всей видимости, никогда не будет закончен. Вопрос лишь в том, является ли этот спор продуктивным? Дает ли он нам хоть что-то? Я думаю, что уже дал и продолжает давать. Во-первых, он обостряет чувствительность к границам между пристрастным и беспристрастным поведением. Во-вторых, он дает в руки участников уже не философских, а общественно-политических дискуссий дополнительные аргументы. Это особенно важно для тех общественно-политических сил, которые отстаивают новые идеологические установки, выражают изменения в ценностных приоритетах общества. Таких, как, например, движение за глобальную справедливость, которое теоретически вооружил Сингер. Кстати, Сингер сыграл такую роль для целых двух общественно-политических движений: не только для движения за глобальную справедливость, но и для движения за права животных. И, в-третьих, в результате этого спора сложились кое-какие, правда, очень хрупкие элементы идейного консенсуса. Например, очень многие теоретики вышли из него с убеждением, что чем более эффективно реализуется универсальное уважения к каждому человеку в системе общественных и политических институтов (на уровне общества в целом), тем более свободным может быть поведение отдельных людей, оказывающих предпочтение своим близким (например, собственным детям или родителям).

Литература

1. Berlin, I. Introduction to Philosophy / I. Berlin // Talking Philosophy: Dialogues with Fifteen Leading Philosophers. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1978. – P. 1–28.

2. Godwin, W. An Enquiry Concerning Political Justice and its Influence on General Virtue and Happiness / W. Godwin. – Vol. 2. – L.: G. G. J. Robins and J. R. Robins, 1793.

3. Kierkegaard, S. Works of Love (Kierkegaard's Writings, 16) / S. Kierkegaard. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1995.

4. Outka, G. Agape: An Ethical Analysis / G. Outka. – New Haven: Yale Univ. Press, 1972.

5. Singer, P. Famine, Affluence, and Morality / P. Singer // Philosophy and Public Affairs. – Vol. 1. – №. 3. – P. 229–243.

6. Williams, B. Moral Luck / B. Williams. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Переломов Л. В., Теплякова К. А., Атрощенко Ю. М.</i> Влияние фульвокислот на поглощение тяжелых металлов бентонитом	4
<i>Прокофьев А. В.</i> Нормативные парадоксы универсальной морали	8
<i>Чуканов А. Н., Гвоздев А. Е., Сергеев А. Н., Малий Д. В., Кутепов С. Н., Клементьев Д. С., Цой Е. В.</i> Оценка свойств изделий аддитивного производства, полученных в рамках ФЦП по SLM-технологии	15

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Антоненкова И. Н.</i> Метод проектов как средство развития художественно-творческой деятельности студентов.....	32
<i>Асмаловская О. А., Лещенко С. Г.</i> Коммуникативные ситуации как условие развития навыков согласования у дошкольников с билингвизмом.....	37
<i>Бобровникова Н. С.</i> Подготовка школьных педагогов к деятельности по профилактике подросткового буллинга в современной образовательной среде	40
<i>Ваньков А. Б., Хабаров Н. Н., Ваньков Б. П.</i> Методические аспекты повышения личностной устойчивости студентов-программистов к негативным последствиям профессиональной деформации.....	44
<i>Гражданкина Т. В., Гражданкин В. В., Петрова М. С.</i> Формирование творческих профессиональных компетенций студентов в рамках подготовки к олимпиаде по инженерной графике.....	49
<i>Гревцова Е. В.</i> К вопросу о технологии работы с кейсом в учебном процессе будущих социальных работников	53
<i>Дворникова А. С., Васина Ю. М.</i> Направления активизации познавательной активности младших школьников с нарушением интеллекта	55
<i>Ефремов А. А.</i> Разработка дидактических заданий по физике в условиях реализации системно-деятельностного подхода	58
<i>Карташова Н. С.</i> Учет индивидуальных особенностей студентов в процессе контроля знаний по дисциплине «Методика обучения биологии»	61
<i>Карташова Н. С.</i> Использование кейс-технологии в процессе методической подготовки будущих учителей биологии.....	63

Научное издание

**УНИВЕРСИТЕТ XXI ВЕКА:
НАУЧНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

*Материалы научной конференции
научно-педагогических работников,
аспирантов, магистрантов
ТГПУ им. Л. Н. Толстого*

Минимальные системные требования:
Intel Celeron 1700 Mhz и выше,
128 Мб RAM, 300 Мб на винчестере, ОС Microsoft Windows XP, Vista;
дисковод CD-ROM 2x и выше, SVGA 64 Mb; мышь.

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого.
300026, Тула, просп. Ленина, 125.
www.tsput.ru. E-mail: info@tsput.ru

Подписано к использованию: 23.10.2019.
Заказ 19/024. «С» 1814.